

К.И. Белоусов, И.Ю. Моисеева, Г.Г. Москальчук
Оренбургский государственный университет

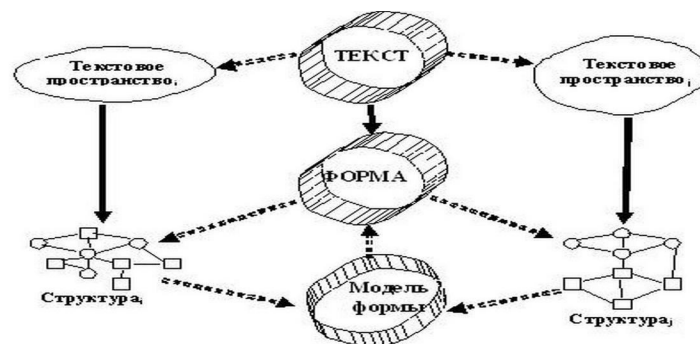
**Физические и синтаксические текстовые структуры
(к проблеме уровневого изоморфизма)**

С позиции системнодеятельностного подхода текст, как любой объект, имеет многообразные предметные области (проекции), выделяемые в конкретных деятельности с объектом. Каждая из предметных областей (назовем их *пространствами текста* или, что то же самое, *текстовыми пространствами*) может быть представлена в виде структуры. Таким образом, в деятельности над текстом (и / или с текстом) мы, в первую очередь, вычленим текстовое пространство, которое затем представим как систему со своими компонентами и структурой. Поскольку список предметных проекций текста не может быть закрытым, возникает теоретическая проблема, как создать такую модель текста, в рамках которой осуществлялся бы синтез структур разнообразных текстовых пространств? Положительный ответ на этот вопрос мы связываем с вводимым в исследовательское пространство общей теории текста понятием *формы текста*.

Форма текста представляет собой способ организации и саму организацию языкового субстрата в целостном пространстве речемыслительной деятельности. *Если текст как объект-феномен имеет своими предметами текстовые пространства, то форма текста – структуры данных пространств. Структура – это проекция формы на предметную область.* Форма обеспечивает необходимую общность структур предметов одного и того же объекта. Если структура – производная исследовательской деятельности, конструкт, то форма, как и текст в целом – феномен (см. рис. 1). Полагаем, что форма текста в нашей интерпретации является новым лингвистическим объектом¹.

Рисунок 1

Взаимосвязь основных конструктов теории формообразования текста

Признание текста полипредметным и, соответственно, полиструктурным, языковым объектом вызывает ряд новых проблем: в каком отношении находятся

¹ «Новым лингвистическим объектом я называю такое представление фактов, языковых данных, которое генерирует новую информацию о языке» [Караулов, 1981, с. 140].

текстовые пространства по отношению друг к другу? Какой метод может быть применен для осуществления полипредметного (полиструктурного) синтеза?

Для того, чтобы ответить на первый вопрос, необходимо реконструировать деятельностные схемы, производимые всякий раз при изучении того или иного текстового пространства. Такая реконструкция выявит, что пространства текста (а значит, и их структуры) могут находиться по отношению друг к другу в двух планах: 1) уровне и 2) независимом. Так, традиционная знаково-уровневая модель текста включает в себя ряд текстовых пространств, находящихся (в целом) в отношениях иерархической упорядоченности: фонетический, словообразовательный, лексический, морфологический и синтаксический уровни. Вместе с тем, далеко не все текстовые пространства могут быть представлены в виде уровневой модели, например, просодическое, эмоциональное и семантическое пространства текста (подробнее см.: [Белоусов, 2005]). Критика знаково-урвневой модели текста звучала еще в 1980-х годах: «В последнее время в лингвистике широко распространилось убеждение, что наряду с традиционно выделяемыми фонологическим, морфологическим, синтаксическим и лексико-семантическим структурными уровнями существуют также и другие, которые не могут быть просто включены в иерархию «уровней языковой системы» в качестве дополнительных уровней, но, напротив, лежат «вне» этой системы уровней и иным, по-видимому, более непосредственным образом соотносятся с моментами экстралингвистической действительности» [Хартунг, 1989, с. 55-56]. В последние годы критика уровневой модели языка и текста особенно усиливается (одна из последних ярких книг в этой области принадлежит Б.М. Гаспарову [Гаспаров, 1996]).

В качестве альтернативой предлагается модель текста, которую мы обозначили как *пространственная* модель. Она является более общей, по отношению к ней уровневая модель – частное проявление. Собственно, только в рамках пространственной модели можно осуществлять полипредметный синтез текста, реконструировать форму текста. Для этого необходимо на первом этапе так структурировать разнопредметные текстовые проекции (пространства), чтобы выявленные структуры обладали качеством сопоставимости, были бы построены на основе применения одних и тех же методов и принципов. Базовыми методами выступают метод позиционного анализа текста и метод контуров текста¹, основополагающим принципом является квантитативный характер создаваемой модели.

Суть метода позиционного анализа состоит в позиционировании интересующих исследователя языковых единиц в линейном ряду всех единиц текста. Поскольку текст имеет границы (начало и конец), начало принимается за «0», а конец за «1» независимо от размера текста. Это позволяет сопоставлять как тексты разных объемов, так и разные аспекты (текстовые пространства) одного текста. За единицу счета принимается графическое слово (слово в тексте между пробелами). Чтобы локализовать какой-либо элемент на отрезке (0; 1), нужно разделить порядковый номер словоформы на общее количество слов в тексте. Позиционная локализация компонентов текста – один из основных *независимых* параметров, описывающих динамику становления текста как целостности. Метод контуров предполагает единообразное построение двух и более контуров текста, каждый из которых отражает сукцессивную развертку структуры того или иного текстового пространства, и синхронизацию контуров на одном позиционном отрезке (0, 1).

Предметом работы является сопоставление двух текстовых пространств и их структур, выделенных в рамках пространственной модели. В отличие от ранее проводимых сопоставлений текстовых пространств (семантического, просодиче-

¹ Под *контуром текста* понимается графическая фиксация распределения вероятности появления языковых единиц или значений интенсивности (а также любых других показателей) тех или иных процессов, производимая поступательно от абсолютного начала текста к его абсолютному концу.

ского, эмоционального) в центре внимания данной статьи будут находиться текстовые пространства, структурируемые на основании *общего* объекта – предложения в тексте. В одном случае предложение будет изучаться со стороны своей физической протяженности в тексте, в другом – в аспекте синтаксического описания (синтаксической модели).

Исследование ритма размера предложений в тексте (*физическое пространство*) проводится с опорой на метод позиционного анализа, позволяющий локализовать каждое предложение в границах всего текста (0, 1). В итоге текст разбивается на ряд отрезков, соответствующих длине каждого предложения в тексте в порядке их следования от начала к концу. В основе метода лежит *положение о необходимости рассмотрения размеров предложений только в составе целого текста*. Работы, в которых качественные параметры размеров предложений устанавливаются на основании иных факторов, например, короткие до 10 слов, средние до 30 слов и т.д., не могут выйти на уровень исследования *текста*. Так, например, средний размер предложения в прозе А.С. Пушкина будет считаться коротким в сопоставлении со средним размером предложения в сочинениях Л.Н. Толстого и т.д. Говорить о коротких, средних и больших размерах предложения можно только относительно того *целого*, в котором эти предложения *содержатся*. В этом смысле априорные шкалы, структуры и стандарты при исследовании ритмов размеров предложений в тексте становятся ненадежными.

Размер предложения, соотносясь с размером текста, актуализирует категорию *меры* как единства качественных и количественных характеристик текстовой структуры. Несомненно, композиции сверхкратких, кратких, средних, длинных и сверхдлинных предложений в целом тексте передают и специфические особенности развертки семантического пространства текста, а сами типы предложений исполняют некоторые «семантические роли». Границы же размеров всех обозначенных типов предложений могут быть установлены статистически на основании определения среднего размера предложения (x_{cp}) в тексте и среднеквадратичного отклонения (σ): $x_{cp} \pm \sigma (2\sigma)$. Таким образом, для каждого типа предложения существует определенный коридор значений, в рамках которого предложение в тексте сохраняет свою качественную определенность (оставаясь кратким, средним, длинным и т.д.). В то же самое время количественная граница полагает качественный переход – «предел, за которым изменение количества влечет за собой изменение качества и наоборот» [Философский энциклопедический словарь, 1983, с. 360].

Порционирование речевой материи, осуществляемое в рамках *целого* текста, заставляет обратиться и к таким категориям, как *дискретность / континуальность*. Размер предложения и текста относится к эмпирической действительности. Дискретность и континуальность как фундаментальные свойства материи, не принадлежат эмпирии; в качестве категорий они включаются в состав теоретических схем. Уменьшение размера предложения в тексте (компонент эмпирической области) связано с усилением дискретности, дроблением речевой материи (компонент теоретической схемы). Аналогично, увеличение размера предложения в тексте (компонент эмпирической области) соотносится с усилением континуальности, с непрерывностью речевой материи (компонент теоретической схемы). Значит, ритм размеров предложений в тексте может быть осмыслен в терминах взаимодействия двух тенденций: дискретизации и континуализации текстовой материи. Таким образом, размер предложения как физический параметр интересен тем, что он выступает средством дискретизации / континуализации текста, а динамика размеров предложения, воплощающая борьбу этих тенденций, отражает *процесс формирования текста*.

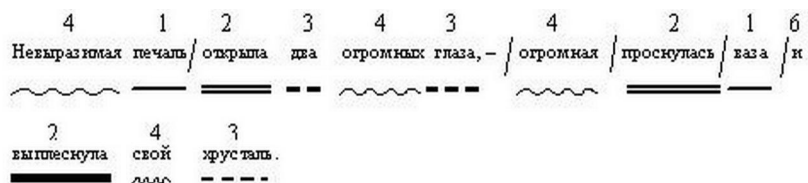
Синтаксическое пространство текста строится на основе «традиционного» структурного синтаксического описания, выбор которого обусловлен большими возможностями для формализации, относительной простотой анализа и меньшим

исследовательским произволом по сравнению с другими вариантами описания (коммуникативным, семантическим, трансформационным и др.) в случае обращения к *корпусам* текстов. При этом используется предельно обобщенный вид структурного описания синтаксиса, что оправдано объектом исследования, которым является не предложение, а текст. Организацию синтаксического пространства текста мы стремимся представить в виде *конечной последовательности переходящих друг в друга синтаксических групп (синтаксических звеньев текста), список которых обозрим и статистически упорядочен*. Переходы от одного синтаксического звена к другому, вероятно, подчиняются статистическим законам / закономерностям самоорганизации текста. Задача поиска таких закономерностей предполагает проведение исследования на текстовых *выборках*, что вынуждает нас использовать в качестве единиц анализа *предельно обобщенные формализованные синтаксические модели*. Для обозначения *компонентов* структурных моделей нами используется цифровая символика: цифрой «1» обозначается подлежащее; «2» – сказуемое; «3» – дополнение; «4» – определение; «5» – обстоятельство; «6» – остальное¹. Таким образом, для выполнения поставленных задач мы будем использовать цифровую комбинаторику в качестве основы для получения *репертуара элементарных структур*. Полагаем, что данная модель описания синтаксического текстового пространства, состоящего из подобных компонентов, полностью соответствует поставленной задаче, и, как мы попытаемся показать, применение этой модели в рамках предлагаемого метода открывает большие перспективы, как в изучении текста, так и предложения.

На первом этапе построения синтаксического пространства текста возникает задача сегментации числовой цепи текста, поскольку сочетание даже из 20 чисел (текст из 20 слов) имеет вероятность повторения близкую к нулю. Сегментация цепи может проводиться по двум основаниям: 1) принадлежности рассматриваемых членов предложения одному и тому же предложению и 2) отнесенности того или иного члена предложения к группе: а) подлежащего, б) группе сказуемого, в) отдельной группы, грамматически не связанной с группами подлежащего и сказуемого. Таким образом, в основе сегментации синтаксической цепочки текста лежит естественное его дробление на предложения и в рамках каждого предложения членение на основе координационной связи на звенья, каждое из которых состоит из элементов, связанных друг с другом подчинительной или сочинительной связью. Компоненты предложения, не входящие в выделяемые таким образом синтаксические звенья, обособляются в отдельные группы. В русском тексте компоненты, относящиеся к группам подлежащего или сказуемого, могут чередоваться в процессе *поступательной развертки* предложения. Тем самым, возникает дополнительное членение синтаксических групп, образование более дробных звеньев. Рассмотрим сказанное на примере одного из предложений, входящего в стихотворение «Невыразимая печаль...» О.Э. Мандельштама:

*Невыразимая печаль
Открыла два огромных глаза, –
Огромная проснулась ваза
И выплеснула свой хрусталь.*

¹ Применение числовой символики упрощает создаваемые модели, поскольку мы не используем дополнительные средства конкретизации компонентов предложения (буквенные и численные индексы).

Знаком « / » обозначена сегментация предложения, проведенная в соответствии с описанными принципами членения. Таким образом, вся синтаксическая цепочка предложения состоит из ряда звеньев и может быть сведена к следующей формуле: 452-41-2343-4-1-6243. Обращает на себя внимание растущая дискретность, связанная с инверсией сказуемого *проснулась*, которое «вклинивается» в состав группы подлежащего. Это приводит к тому, что вместо двух нормативных компонентов (звеньев): *огромная ваза / проснулась и выплеснула свой хрусталь* – возникает четыре звена: *огромная / проснулась / ваза / и выплеснула свой хрусталь*.

Подобным же образом можно проводить описание целого текста, например:

*Сусальным золотом горят
 В лесу рождественские елки;
 В кустах игрушечные волки
 Глазами страшными глядят.
 О, вещь моя печаль,
 О, тихая моя свобода
 И неживого небосвода
 Всегда смеющийся хрусталь!*
 О.Э. Мандельштам

Запись синтаксической цепочки всего текста выглядит так: 4325-41-5-41-342-6-441-6-441-6-43541. Уже приведенные примеры свидетельствуют о том, что наиболее частотные размеры элементарной структуры (синтаксического звена) включают в себя от одного до четырех компонентов. Проанализировав две выборки стихотворений (по 30 в каждой) В.Ф. Ходасевича и О.Э. Мандельштама, мы выделили в первой 1093, а во второй 628 элементарных структур. Результаты распределения встречаемости разнообъемных элементарных структур отражены в таблице 1.

Таблица 1

**Частотность употребления
разнообъемных элементарных синтаксических структур**

Размер элементарной структуры	Стихотворения В. Ходасевича	Стихотворения О. Мандельштама
1-компонентная	617 (0,565)	328 (0,522)
2-компонентная	196 (0,179)	121 (0,193)
3-компонентная	119 (0,109)	85 (0,135)

4-компонентная	59 (0,054)	39 (0,062)
5-компонентная	27 (0,025)	23 (0,037)
6-компонентная	30 (0,027)	16 (0,025)
больше 6 компонентов	45 (0,041)	16 (0,025)
Всего	1093 (1)	628 (1)

Примечание. В таблице отражены два ряда значений: одно значение, выраженное в натуральных числах, характеризует количество встретившихся структур в каждой выборке, другое значение (в рациональных числах) отражает частотность появления каждой структуры. Для сопоставления выборок необходимо использовать значение частотности.

Из таблицы 1 видно, что частотность появления каждой структуры в двух выборках не имеет заметных отличий, что позволяет говорить о единообразии распределения. 1, 2 и 3-компонентные модели встречаются наиболее часто и в сумме «покрывают» 85 % употребления всех структур как в выборке стихов В. Ходасевича, так и О. Мандельштама. Наиболее частотной оказывается 1-компонентная структура, на нее приходится более половины всех встретившихся структур. Так как в основе каждой синтаксической структуры лежит принцип иерархизации – подчинения главному компоненту звена второстепенных (между которыми также могут быть установлены иерархические отношения), 1-компонентная структура и ее доминирование представляется весьма интересным.

Данная структура по своей природе отрицающая всяческую иерархизацию, подчинение, направлена на обособление компонента, вычленение его из фона, его актуализацию¹ (основным средством здесь выступает инверсия). Инверсия, конечно, не означает обязательного обособления компонента в одиночную структуру (Ср. Я / памятник себе воздвиг нерукотворный... – Я / воздвиг себе нерукотворный памятник. Запись синтаксических цепочек предложений: 1-3324 и 1-2343. В этом примере инверсия происходит внутри *одной* группы – группы сказуемого). Актуализация компонента, «выталкивание» его из иерархической системы в независимое состояние, дает ему больше шансов стать стержневым для предложения и войти в набор ключевых слов текста².

Если сопоставить встречаемость всех типов однокомпонентных структур (в отдельную структуру теоретически может выделяться подлежащее (1), сказуемое (2), дополнение (3), определение (4), обстоятельство (5), и остальное (6)) как друг с другом, так и по двум выборкам, то можно отметить, что встречаются все шесть возможных типов 1-компонентных структур. При этом распределения типов однокомпонентных структур в двух выборках имеют общую динамику (см. таблица 2). Из таблицы 2 видно, что подлежащее обособляется в отдельную структуру гораздо чаще сказуемого, что имеет простое объяснение: подлежащее гораздо реже имеет при себе зависимые слова. Так, количество структур, в которые включается подлежащее («1») или сказуемое («2») примерно одинаково (структур с «2» всего на 19 % больше). Если сравнить встречаемость структуры, состоящей *только* из компонента «1», с употребимостью структур, в которые обязательно входит «1» (подлежащее с зависимыми словами), то можно отметить, что однокомпонентная структура «1» частотней в 1,9 раза любой другой структуры с компонентом «1». В то же самое время однокомпонентная структура «2» встречается в 2,8 раза реже более протяженных структур, имеющих в своем составе компонент «2».

Таблица 2

Встречаемость всех типов 1-компонентных структур

¹ Речь идет только о структурах, входящих в синтаксическую организацию предложения.

² Выдвинутая гипотеза о соотношении ключевых слов с 1-компонентными структурами нуждается в специальном изучении.

в выборках стихотворений В. Ходасевича и О. Мандельштама

Типы 1-компонентных структур	Стихотворения В. Ходасевича	Стихотворения О. Мандельштама
1 (подлежащее)	0,371	0,363
2 (сказуемое)	0,204	0,174
3 (дополнение)	0,028	0,021
4 (определение)	0,018	0,015
5 (обстоятельство)	0,088	0,088
6 (остальное)	0,292	0,338

Однокомпонентные структуры обладают еще одним важным свойством – они выражают минимальную величину синтаксической дискретности. Любая структура, состоящая более чем из одного компонента, уже не только дискретизирует текст, но и участвует в его континуализации. Действия дискретности и континуума – противоположные, но взаимосвязанные тенденции, в полной мере обнаруживающие себя в тексте. Но если «строевая» единица дискретности существует – это однокомпонентная структура, то «строевой» единицы континуума нет, т.к. такая структура должна вместить в себя все предложение и весь текст. Можно лишь говорить, что чем объемней структура, тем более проявляется в ней тенденция континуализации.

Понимая таким образом механизмы проявления дискретности и континуальности на уровне синтаксической организации текста (синтаксического текстового пространства), мы можем сопоставить дискретность / континуальность синтаксическую с физической. Как отмечалось, распределение дискретности / континуальности физического пространства текста устанавливается в ходе позиционного маркирования границ предложений в порядке их следования в тексте. Выделенным интервалам присваивается значение, равное величине размера предложения, располагающегося в данном интервале. Затем все значения из абсолютных переводятся в относительные (максимальное значение равно «1» и принадлежит самому протяженному предложению текста). После этого вычисляются средние значения распределения дискретности / континуальности всей выборки.

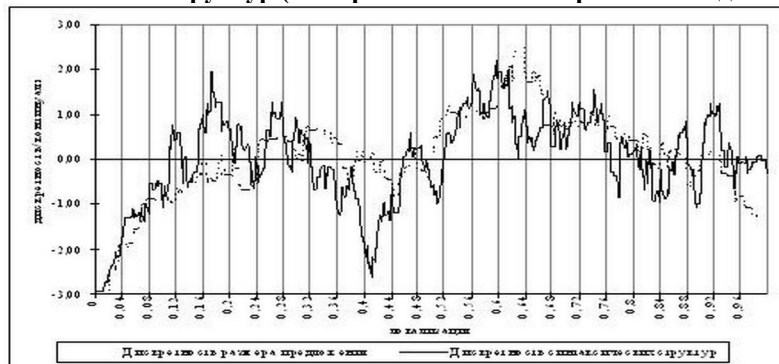
Характеристики дискретности / континуальности синтаксического пространства текста выявляются на основе протяженности сукцессивной цепочки элементарных структур. После того, как синтаксическое пространство текста записывается в виде последовательности элементарных структур, с помощью метода позиционного анализа границы этих структур маркируются на позиционной оси (0, 1) подобно тому, как фиксируется локализация границ предложения физического пространства. Каждому сегменту отрезка (0, 1), которое занимает та или иная элементарная структура, присваивается значение, равное количеству графических слов в данной структуре. Затем значения из абсолютных переводятся в относительные и усредняются на основании данных всей выборки.

В результате за каждой координатой сукцессивной развертки текста закрепляются два значения дискретности / континуальности физического и синтаксического пространств. Полученные данные по выборкам стихотворений В. Ходасевича и О. Мандельштама можно представить графически (рисунки 2 и 3).

Рисунок 2

Дискретность / континуальность текста на уровне размера предложения и

синтаксических структур (выборка из 30 стихотворений В. Ходасевича)

Примечание. Все значения центрированы, т.е. распределены относительно средних значений по выборке, принимаемых за «0».

Если обратиться к рисунку 2, то можно увидеть, что распределение дискретности / континуальности имеет неслучайный характер. В случае физических и синтаксических структур четко выделяются области минимума (максимальная дискретность) и максимума размеров (максимальная континуальность). Синтаксический контур состоит из трех областей, граница между которыми пролегает по точкам максимальной дискретности: 0 – 0,42; 0,42 – 0,85; 0,85 – 1. Фактически эти области коррелируют с областями зоны начала (0 – 0,382), зоны гармонического центра (0,382 – 0,854), зоны конца (0,854 – 1), выделенными в ходе исследования процессов формообразования текста в аспекте распределения в нем элементов симметрии [Корбут, 2004; Москальчук, 2003]. Распределение дискретности / континуальности физического пространства текста имеет сходную динамику (различия касаются локализации зоны начала – (0 – 0,45)). Представляется интересным усиление континуальности синтаксического и физического текстовых пространств в области гармонического центра текста (0,618), где соответствующие показатели достигают максимальных значений, что является оптимальным с позиции формообразования текста [Белоусов, 2005, с. 36].

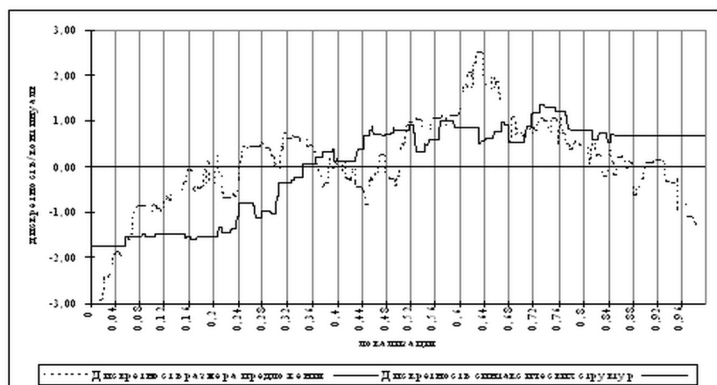
Фрактальность (самоподобие) текста обычно рассматривается как существование структурного изоморфизма между уровнями текста (в рамках его «уровневой» модели). Однако, как таковой, структурный изоморфизм даже в рамках «уровневой» модели текста может и не наблюдаться. Об этом, на наш взгляд, пишет Ю.М. Лотман, вводя в филологическую терминологию категорию «дополнительности»: «...между отдельными структурными уровнями может возникать отношение дополнительности. Например, давно было отмечено, что в пределах определенных поэтических структур ослабление ограничений, наложенных на ритм, сопровождается усилением требований к рифме...» [Лотман, 2000, с. 84]. Или более конкретная формулировка: «Можно сказать, что в отношении эквивалентности формальные и семантические элементы естественного языка, входя в поэтическую структуру, выступают как дополнительные множества: совпадение одних влечет за собой несовпадение других» [Там же, с. 89].

Отсутствие структурного изоморфизма можно наблюдать на графике распределения дискретности / континуальности синтаксического и физического пространств текста стихотворной выборки О. Мандельштама (рисунок 3). Коэффициент корреляции (Пирсона) равен 0,26. Видно, что синтаксическая дискретность последовательно убывает (растет континуальность), затем, начиная с координаты 0,44, входит в стабильное состояние с небольшими флуктуациями. Физическое пространство в аспектах дискретности / континуума имеет более сложную пространственно-временную организацию. Заметим, что и на материале анализируе-

мой выборки выделяется область начала текста (0 – 0,45); в гармоническом центре также отмечается максимальное действие континуума.

Рисунок 3

Дискретность / континуальность текста на уровне размера предложения и синтаксических структур (выборка из 30 стихотворений О. Мандельштама)

Примечание. Все значения центрированы, т.е. распределены относительно средних значений по выборке, принимаемых за «0».

Для художественного произведения континуальность означает большее, чем просто синтаксическая усложненность, – *континуальность является, по нашему мнению, средством имитации континуальности реального мира*. Действительность непрерывна¹, и для писателя (поэта) создание универсума художественного текста возможно, в первую очередь, при условии моделирования непрерывности. Только двигаясь по континууму, можно создать иллюзию бесконечности ограниченного пространства². В таком контексте дискретность / континуальность имеют художественные и коммуникативные функции.

Вхождение в художественную действительность начинается с максимальной дискретности материи текста, которая постепенно и целенаправленно преодолевается, на первый план выдвигается континуальность, которая достигает максимальных значений в области гармонического центра – наиболее оптимальной для восприятия. И то обстоятельство, что в изучаемых выборках в данном интервале находятся наиболее протяженные предложения и, по преимуществу, наиболее сложные элементарные синтаксические структуры не является случайностью (аналогичное явление наблюдалось нами и при изучении «Стихотворений в прозе» И.С. Тургенева [Белоусов, 2005, с. 105-109]). В области гармонического центра сосредотачиваются структурные компоненты того или иного текстового пространства, наиболее значимые с точки зрения *цельнооформляющей* функции (континуальность и цельность с необходимостью взаимосвязаны). В зоне конца, напротив, наблюдается процесс усиления действия дискретности текстовой материи, что свидетельствует о подготовке воспринимающего сознания к выходу из художественной действительности.

В заключение отметим, что изучение структурного изоморфизма между уровнями текста в большинстве случаев ограничивается либо созданием / исполь-

¹ Континуум есть «диалектическое слияние раздельной системы со сплошными и непрерывными переходами одного ее момента в другой» [Лосев, 1989, с. 23].

² Как пишет А.Н. Паршин, «знаменитые парадоксы Зенона, такие как Ахиллес и черепаха, как раз и состояли в том, что если мы ограничиваемся рациональными числами, то движение невозможно <...> движение возможно только по континууму» [Паршин, 2000, с. 104].

зованием «изоморфного» языка описания данных уровней (*фонема, морфема, лексема...*), либо сопоставлением *фрагментов* структур тех или иных уровней. Обычно в практике анализа текста структурный изоморфизм усматривается в тех случаях, когда одни и те же текстовые значения передаются единицами, относящимися к разным уровням текста. Модельное же изучение уровней текста и его структур с позиций а) *целостности предметных областей текста* (к которым относятся и текстовые уровни), б) *общности методов*, с помощью которых можно было бы единообразно подходить к изучению разных текстовых реальностей и в) *единства языка описания* – еще только зарождается.

Литература

- Белоусов К.И. Текст: пространство, время, темпоритм: монография. Новосибирск, 2005.
- Гаспаров Б.М. Язык, память, образ. Лингвистика языкового существования. М., 1996.
- Караулов Ю.Н. Вторичные размышления об эксперименте в языкознании // Теория языка, методы его исследования и преподавания. М., 1981.
- Корбут А.Ю. Текстосимметрия: Монография. Иркутск, 2004.
- Лосев А.Ф. В поисках построения общего языкознания как диалектической системы // Теория и методология языкознания: Методы исследования языка. М., 1989.
- Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2000.
- Москальчук Г.Г. Структура текста как синергетический процесс. М., 2003.
- Паршин А.Н. Размышления над теоремой Геделя // Вопросы философии. 2000. № 6.
- Философский энциклопедический словарь. М., 1983.
- Хартунг В. Деятельностный подход в лингвистике: результаты, границы, перспективы // Общение. Текст. Высказывание. М., 1989.